

ВАЛЕРИЙ ЛЕЙБИН

ФРЕЙД И ЮНГ

УЧЕНИЯ
И БИОГРАФИИ

Валерий Моисеевич Лейбин
Зигмунд Фрейд и Карл Густав
Юнг. Учения и биографии
Серия «Звезда лекций»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43452797

*Валерий Лейбин. Карл Густав Юнг и Зигмунд Фрейд: АСТ; Москва;
2019*

ISBN 978-5-17-114741-9

Аннотация

Зигмунд Фрейд и Карл Юнг – основоположники классического психоанализа и аналитической психологии, учения которых навсегда изменили представление о механизме работы человеческой психики и оказали огромное влияние на науку и культуру XX века. Карл Юнг начинал как последователь теории Фрейда, однако со временем создал собственную концепцию, объясняющую мотивы человеческих поступков с помощью «архетипических образов» и понятия «коллективное бессознательное». Отказ Юнга от следования учению Фрейда привел к разрыву отношений между учеными и появлению двух различных методов психоанализа. В этой книге известный психоаналитик, доктор философских наук Валерий Лейбин рассказывает о жизненном пути Фрейда и Юнга и о

событиях, которые повлияли на формирование их научных взглядов и принципов исследования человеческой психологии. Автор знакомит читателя с ранее неизвестными материалами, позволяющими постичь суть конфликта между двумя великими «отцами» психоанализа и разрушить многие стереотипные представления о них.

Содержание

ЗИГМУНД ФРЕЙД	6
Вехи жизни	7
Семейные тайны	12
Абсурдное сновидение	20
Травма	37
Рак	49
Игры на лужайке	56
Модель «друг – враг»	60
Сципион и Берганза	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Валерий Лейбин Карл Густав Юнг и Зигмунд Фрейд

Фотоматериалы предоставлены фотобанком Vostock Photo (fine art images/Vostock Photo, INTERFOTO / Austrian National Library / Schmutzer, Ferdinand/Vostock Photo)

© В. М. Лейбин, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

ЗИГМУНД ФРЕЙД
1856–1939

Вехи жизни

6 мая 1856 года в семье Якова и Амалии Фрейдов родился мальчик. Он был покрыт темными волосами и родился в приставшей к голове «сорочке», что считалось благоприятным знаком. Если учесть, что в переводе с немецкого фамилия Фрейд (Freud) означает «радость», то появление на свет первенца воспринималось матерью как подарок судьбы. (Позднее, как бы подтверждая свою фамилию «радость», зрелый Фрейд писал, что с годами у него открылось множество талантов, позволяющих ему наслаждаться радостями жизни.)

Спустя семь дней мальчику сделали обрезание и дали два имени – Шломо и Сигизмунд. Еврейское имя Шломо он унаследовал от своего деда, умершего за два с половиной месяца до рождения своего внука. Лишь по исполнении шестнадцати лет юноша сменил имя Сигизмунд на имя Зигмунд.

Фрейд был первенцем, за которым в течение десяти лет последовало рождение других детей – пяти дочерей и двух сыновей.

Первые три года жизни он провел во Фрайберге (ныне Пришбор), небольшом городке, расположенном неподалеку от границы Моравии и Силезии, примерно в двухстах сорока километрах к северо-востоку от Вены.

В силу ряда обстоятельств, связанных с экономиче-

ским упадком, ростом национализма и бесперспективностью дальнейшей жизни в маленьком городе, семья Фрейда переехала в 1859 году в Лейпциг, а затем через год в Вену. В столице австрийской империи Фрейд прожил почти 80 лет.

За это время он блестяще окончил гимназию, в 1873 году в возрасте 17 лет поступил на медицинский факультет Венского университета, который закончил в 1881 году, получив диплом врача.

На протяжении нескольких лет Фрейд работал в Физиологическом институте Э. Брюкке и Венской городской больнице.

В 1885–1886 годах он прошел шестимесячную стажировку в Париже у знаменитого французского врача Ж. Шарко в Сальпетриере.

По возвращении со стажировки он женился на Марте Бернайс, став со временем отцом шестерых детей – трех дочерей и трех сыновей.

Открыв частную практику в 1886 году, Фрейд использовал различные способы лечения нервных больных и выдвинул свое понимание происхождения неврозов. В 90-е годы XIX века он заложил основы нового метода исследования и лечения, получившего название психоанализ. В начале XX столетия он развил выдвинутые им психоаналитические идеи.

На протяжении последующих двух десятилетий Фрейд внес дальнейший вклад в теорию и технику классического психоанализа, использовал свои идеи и методы лечения

в частной практике, написал и опубликовал многочисленные работы, посвященные уточнению его первоначальных представлений о бессознательных влечениях человека и использовании психоаналитических идей в различных отраслях знания.

Из-под его пера вышли не только разнообразные работы, посвященные технике медицинского использования психоанализа, но и такие книги, как «Толкование сновидений»(1900), «Психопатология обыденной жизни»(1901), «Остроумие и его отношение к бессознательному»(1905), «Три очерка по теории сексуальности»(1905), «Бред и сны в “Градиве” В. Иенсена»(1907), «Воспоминание о Леонардо да Винчи»(1910), «Тотем и табу»(1913), «Лекции по введению в психоанализ»(1916/17), «По ту сторону принципа удовольствия»(1920), «Психология масс и анализ человеческого Я»(1921), «Я и Оно»(1923), «Торможение, симптом и страх»(1926), «Будущее одной иллюзии»(1927), «Достоевский и отцеубийство»(1928), «Недовольство культурой»(1930), «Человек Моисей и монотеистическая религия»(1939) и другие.

Фрейд получил международное признание, дружил и переписывался с такими выдающимися деятелями науки и культуры, как Альберт Эйнштейн, Томас Манн, Ромен Ролан, Арнольд Цвейг, Стефан Цвейг, и многими другими.

В 1922 году Лондонский университет и Еврейское историческое общество организовали чтение цикла лекций о пяти

знаменитых еврейских философах, в числе которых, наряду с Филоном, Маймонидом, Спинозой, Эйнштейном, оказались и Фрейд.

В 1924 году Венский городской совет присвоил Фрейду звание почетного гражданина.

В день своего семидесятилетия он получил поздравительные телеграммы и письма со всех концов мира.

В 1930 году ему присудили литературную премию имени Гёте.

В честь его семидесятилетия во Фрайберге была установлена памятная доска на доме, в котором он родился.

К восьмидесятилетию Фрейда Томас Манн зачитал написанное им обращение перед Академическим обществом медицинской психологии. Под обращением стояло около двухсот подписей известных писателей и деятелей искусства, включая Вирджинию Вульф, Германа Гесса, Сальвадора Дали, Джеймса Джойса, Пабло Пикассо, Ромена Ролана, Стефана Цвейга, Олдоса Хаксли, Герберта Уэллса.

Фрейд был избран почетным членом Американской психоаналитической ассоциации, Французского психоаналитического общества, Британской Королевской медико-психологической ассоциации. Ему было присвоено официальное звание члена-корреспондента Королевского общества.

После вторжения нацистов в Австрию в марте 1938 года жизнь Фрейда и его семьи оказалась под угрозой. Нацисты захватили библиотеку Венского психоаналитического

общества, побывали в доме Фрейда, проведя там тщательный обыск, конфисковали его банковский счет, вызывали в гестапо его детей – Мартина и Анну Фрейд.

Благодаря помощи и поддержке со стороны американского посла во Франции У. С. Буллита, принцессы Мари Бонапарт и других влиятельных лиц Фрейд получил разрешение на выезд и в начале июня 1938 года с женой и дочерью покинул Вену, чтобы через Париж перебраться в Лондон.

Последние полтора года жизни Фрейд провел в Англии. В первые же дни пребывания в Лондоне его посетили Герберт Уэллс, Бронислав Малиновский, Стефан Цвейг, приведший с собой Сальвадора Дали, секретари Королевского общества, знакомые, друзья. Несмотря на преклонный возраст, развитие болезни, связанной с повторением злокачественной опухоли, Фрейд почти ежедневно осуществлял анализы больных и продолжал работать над своими рукописными материалами.

Он умер 23 сентября 1939 года.

Семейные тайны

С момента своего рождения Фрейд оказался в необычной семейной среде. Маленький мальчик столкнулся с такими тайнами и загадками, открытие и разгадка которых была не под силу детскому пытливному и любознательному уму.

Не исключено, что именно первоначальные попытки разобраться в сложном переплетении семейных отношений предопределили последующее стремление Фрейда к поиску истины, сохранившееся у него на всю жизнь.

Действительно, будучи ребенком, Фрейд испытал на себе те противоречивые чувства, рассмотрение которых несколько десятилетий спустя стало одной из отправных точек психоаналитического понимания возникновения неврозов и психосексуального развития человека вообще.

Это касалось прежде всего и главным образом отношений, имевших место между маленьким Фрейдом и его родителями, а также сверстниками и взрослыми, с которыми ему приходилось общаться в детстве. Точнее, речь идет о детских переживаниях Фрейда, непосредственно связанных с его семейным окружением.

Его отец, Якоб Фрейд (1815–1896), женился на Амалии Натансон (1835–1930), матери Фрейда, будучи намного старше ее. К моменту рождения их первенца отцу Фрейда шел 41-й год, в то время как его матери оставалось три ме-

сяца до исполнения 21 года.

Разумеется, разница в 20 лет может наложить определенный отпечаток на воспитание ребенка со стороны матери и отца. Но сама по себе она не является определяющим фактором, на основе которого следует делать далеко идущие выводы, связанные с формированием психики будущего основателя психоанализа. Другое дело, что двадцатилетняя разница в возрасте между отцом и матерью Фрейда оказалась вплетенной в особый семейный контекст, вызвавший у него глубокие переживания.

Дело в том, что женитьба Якоба Фрейда на Амалии Натансон не была для него первым браком. Он имел уже двух сыновей, родившихся от первого брака с Салли Каннер, на которой женился в юном возрасте, когда ему было всего 17 лет.

К тому времени, когда родился маленький Фрейд, его сводному старшему брату Эммануэлю было не менее 22 лет. (Неточность в определении возраста объясняется тем, что в различных источниках встречаются разночтения относительно даты рождения Эммануэля – 1832, 1833, 1834 годы.). Сводный младший брат Фрейда Филипп, родившийся в 1836 году, был примерно одного возраста с его матерью. В момент рождения маленького Фрейда оба его сводных брата находились во Фрайберге, жили по соседству, часто общались с отцом и его молодой женой.

В доме Зажиков, где семья Фрейда занимала одну комна-

ту, жила не молодая женщина. До двухлетнего возраста она ухаживала за будущим основателем психоанализа. Позднее в своих воспоминаниях он назовет ее «доисторической нянькой», «праматерью». Анализ собственных сновидений покажет, что эта няня отличалась строгостью, не всегда была нежной и ласковой по отношению к маленькому Фрейду. Тем не менее тот же анализ выявил, что, несмотря на строгость, мальчик любил свою няню.

Судя по воспоминаниям матери Фрейда, к которой он обратился за информацией в зрелые годы, няня была некрасивой, но умной и добросовестной. Она общалась с ним на родном ей чешском языке и, будучи католичкой, часто ходила с маленьким мальчиком в церковь, рассказывала ему религиозные истории, которые он с восторгом пересказывал дома.

В работах Фрейда содержится не много воспоминаний о няне и сводных братьях. Главным образом они связаны с толкованием собственных сновидений и восстановлением в памяти того материала, который долгое время был вытеснен из сознания Фрейда и попал в поле его зрения только в результате самоанализа. И тем не менее его незначительные воспоминания о первых трех годах жизни во Фрайберге позволяют хотя бы частично воссоздать ту семейную обстановку, которая не могла не вызвать у маленького мальчика любопытство, переживания, потребность в понимании того, чему он не мог найти объяснение.

Отец, уезжающий из дома по своим делам, связанным с

продажей шерсти, и няня, по возрасту подходящая ближе к отцу, чем к матери Фрейда. Сводный брат Филипп, появляющийся в доме как в присутствии, так и в отсутствие отца и являющийся ровесником матери. Две пары близких маленькому ребенку людей, чьи отношения между собой являлись для него загадочными.

Якоб Фрейд – старый отец или молодой дед? К тому времени, когда родился первенец от брака с Амалией Натансон, Якоб Фрейд был уже дедом, так как его старший сын Эммануэль сам являлся отцом, имея годовалого мальчика Джона. Волею судьбы в момент своего рождения Сигизмунд оказался дядей, имеющим племянника всего лишь на год старше его. Джон называет Якоба Фрейда дедом, Сигизмунд – отцом.

Объясняли ли родители того и другого мальчика, в чем состоит различие между отцом и дедом? Какие мысли по этому поводу возникали в голове маленького Сигизмунда, по возрасту и строгости воспитания соотносящего Якоба Фрейда со своей няней?

Няня – строгая пожилая женщина или любящая «вторая мама»? Кем она приходится отцу и почему не остается на ночь в их комнате, как «первая мама»? Да и кто из них является «первой мамой» для маленького мальчика, если в зрелом возрасте, в период своего самоанализа, Фрейд назвал няню «праматерью», что имело место в его письме Флиссу от 3 октября 1897 года?

Мама, ласковая и любящая, неизменно называвшая своего первенца «мой золотой Сиги». Кем она является для отца и сводного брата Филиппа? Кто «виновник» того, что красивая, стройная мама неожиданно превращается в полную женщину, дающую жизнь другим детям – сперва брату Юлиусу, а затем сестре Анне?

Сводный брат Филипп, играющий с маленьким Сигизмундом и находящийся рядом с матерью. Какое отношение он имеет к изменению фигуры матери и к исчезновению из их дома няни? Как первое, так и последнее обстоятельство не прошло мимо внимания Фрейда. Только впоследствии он узнал, что няня была обвинена в воровстве и по настоянию Филиппа арестована за свое деяние.

Кто знает, какие детские «объяснительные конструкции» возникали у будущего основателя психоанализа в возрасте до трех лет? Кто может поведать о его переживаниях, связанных с попытками мальчика прояснить для себя место, роль и значение фигур отца, матери, няни, сводного брата в его собственной жизни и подоплеку тех изменений, которые происходили в семье?

Можно выдвигать различные предположения об истинных отношениях между всеми этими фигурами в семье Фрейда.

Можно, например, предположить, что между матерью Фрейда и Филиппом сложились такие отношения, которые вызывали ревность у Якоба Фрейда, и это явилось одной из

причин (наряду с другими) их разъезда, когда семья Фрейда переехала сначала в Лейпциг, потом в Вену, а старшие дети Якоба отправились в Англию.

Возможно, что и настояние Филиппа на аресте няни было связано с тем, что она вызывала у него негативную реакцию в связи с непростыми отношениями с отцом и его молодой женой.

Но все это из области домыслов, догадок, предположений, не имеющих принципиального значения для понимания Фрейда как человека и основателя психоанализа.

Более важно и существенно другое. А именно то, что, как показывает осуществленный взрослым Фрейдом анализ сновидений, в которых присутствуют образы няни, отца, матери и Филиппа, детские вопрошания и переживания по поводу столь сложных для понимания ребенка семейных отношений оставили свой след в его душе. Материал, содержащийся в написанной и опубликованной им работе «Толкование сновидений», является наглядным тому подтверждением.

Известно, что Амалия Натансон безумно любила своего первенца, которому уже при рождении пророчили великое будущее. Много лет спустя он отмечал, что когда являешься любимым ребенком своей матери, то на всю жизнь сохраняешь победное чувство и уверенность в успехе.

Но, кто знает, какие переживания он мог испытывать в первые годы жизни, когда ему приходилось делить любовь между матерью и няней? Какие наивные вопросы возникали

у него, когда он ставил няню и отца в один ряд? Какую испытывал потребность в объяснении со стороны матери или Филиппа по поводу исчезновения няни, которую любил?

Достаточно прочитать изложенные Фрейдом в зрелом возрасте воспоминания, относящиеся к раннему детству и касающиеся эпизода с сундуком, в который Филипп якобы спрятал няню, чтобы убедиться в том, какие глубокие переживания могли охватывать будущего основателя психоанализа. Фрейд вспомнил детали этого эпизода, вызвавшие у него в далеком детстве тревогу и плач, а его анализ этих деталей вскрыл глубокие переживания, связанные с попытками ребенка ответить на вопросы, являющиеся весьма щекотливыми даже для взрослого человека.

Как сам он подчеркивал в работе «Детское воспоминание из “Поэзии и правды”» (1917), посвященной разбору воспоминаний Гете, «удержавшееся в памяти и есть самое значительное в жизни, либо уже в период младенчества, либо под влиянием более поздних переживаний».

Вряд ли может быть случайным, например, то обстоятельство, что через несколько десятилетий Фрейд уделил особое внимание теме двух матерей. Это нашло свое отражение в его работе о Леонардо да Винчи, где основатель психоанализа отметил факт наличия в детстве у великого художника и ученого двух матерей – родной матери, которой он лишился в раннем возрасте, и юной мачехи, жены отца. Отсюда Фрейд сделал вывод, что в загадочной улыбке Джоконды, как и в

других женских портретах Леонардо да Винчи, соединены воедино воспоминания художника о двух матерях.

Фрейд не углублялся в распутывание клубка семейных отношений, детское восприятие которых оказалось столь сильно и глубоко вытесненным, что потребовался тщательный самоанализ, прежде чем он смог кое-что вспомнить из своего раннего детства. Хотя в процессе своей теоретической деятельности и клинической практики он стремился к выявлению правды, раскрытию истины, тем не менее для него самого семейные тайны нередко становились камнем преткновения на пути самопознания.

Во всяком случае, смутно догадываясь о чем-то, он все же не смог (возможно, не захотел) преодолеть до конца сопротивление, не позволившее ему оказаться по ту сторону суждения (осуждения) будущих исследователей, способных воспользоваться биографической истиной в целях дискредитации его самого и созданного им психоанализа. Как бы там ни было, но некоторые семейные тайны действительно оказались для Фрейда, что называется, за семью печатями.

Абсурдное сновидение

В работе «Толкование сновидений» Фрейд воспроизвел ряд своих сновидений, которые представлялись ему интересными и значимыми в плане понимания работы бессознательного. Одно из них, названное им абсурдным, включало в себя сюжеты жизни об умершем отце:

«Я получаю извещение от общинного совета моего родного города с требованием внести плату за содержание в госпитале в 1851 году. Я смеюсь над этим, так как, во-первых, в 1851 году меня не было еще на свете, во-вторых же, мой отец, к которому это могло относиться, уже умер. Однако я иду в соседнюю комнату, где он лежит в постели, и рассказываю ему это. К моему изумлению, он припоминает, что в 1851 году он был сильно пьян и его куда-то отвезли. Это было, когда он работал для Т. “Так ты, значит, и пил? – спрашиваю я. – И вскоре после этого женился?” Я высчитываю, что я родился в 1856 году; это представляется мне непосредственно следующим друг за другом».

Разбору этого сновидения Фрейд посвящает несколько страниц, разделенных между собой изложением и обсуждением других приснившихся ему абсурдных сновидений.

В тексте самого сновидения обращают на себя внимание

несколько деталей. Упоминание о родном городе, в котором Фрейд родился. Женильба его отца в интервале между 1851 и 1856 годами. Сарказм и ирония по отношению к отцу («Так ты, значит, пил?»), соседствующая рядом с осуждением и неодобрением его поведения («И вскоре после этого женился?»).

В контексте интерпретации этого сновидения Фрейдом содержатся не менее важные, чем в самом сновидении, пассажи и размышления основателя психоанализа, которые в плане понимания как работы бессознательного, так и его переживаний представляют несомненный интерес.

«Конфликт ощущений, который в случаях разногласий между сыном и отцом вызывается ролью и прежними заслугами отца».

«Всякой цензуре присуще то, что о запретных вещах можно скорее говорить неправду, нежели правду».

«Отец женился в 1851 году; я, старший, родился в 1856 году. Это верно» (умозаключение желания).

«Разница в 4–5 лет не имеет никакого значения» (мысли, скрывающиеся за сновидением).

«На сновидение не возлагается труда самостоятельного творчества; оно может и должно использовать с этой целью материал из мыслей».

Не слишком ли много совпадений с местом и временем

действия, которые могли иметь место в реальности и которые нашли свое отражение в сновидении Фрейда более 40 лет спустя?

Не свидетельствует ли данное сновидение о том, что в детстве Фрейду пришлось столкнуться с одной из семейных тайн, которая вызвала у него в то время неудовлетворенное вопрошание и глубокое переживание, а в период возникновения психоанализа – тревожащие воспоминания и нежелательные умозаключения?

События, связанные с этой тайной, произошли до рождения основателя психоанализа. Но, судя по всему, они настолько затронули внутренний мир маленького Фрейда, что даже осуществленный им впоследствии самоанализ оказался бессильным перед вытесненными и подавленными в детстве переживаниями.

Считалось, что его отец Якоб Фрейд был дважды женат – сперва на Салли Каннер, а затем на Амалии Натансон, давшей жизнь основателю психоанализа. Эта точка зрения опиралась, прежде всего, на высказывания самого Фрейда, который в работе «Психопатология обыденной жизни» писал:

«Наш отец женился впоследствии вторично и был, таким образом, намного старше своих детей от второго брака».

Поэтому нет ничего удивительного в том, что официальный биограф Фрейда Э. Джонс в своем трехтомном труде

придерживался именно этого взгляда.

В конце 1960-х годов Р. Гикльхорн опубликовала в одном из медицинских журналов статью о результатах исследования фрайбергского периода семьи Фрейда, в которой сообщила о том, что на самом деле Якоб Фрейд был женат трижды. Опираясь на это исследование, авторы биографических трудов о Фрейде, включая Р. Кларка, Р. Дадуну и других, неизменно упоминают о таинственной Ребекке, как второй жене Якоба Фрейда.

О второй жене Якоба Фрейда имеются скудные данные. Известно лишь, что примерно в 1852 году она появилась во Фрайберге вместе с его двумя сыновьями от первого брака. В то время ей было 32 года.

Откуда она родом, где и как познакомилась с Якобом Фрейдом, в каком году стала его женой, какие отношения были между ней и уже взрослыми сыновьями Якоба, как и при каких обстоятельствах она исчезла из его жизни, дав возможность ему жениться в третий раз на Амалии Натансон, — все это остается неизвестным.

Ни в одной из работ Фрейда нет упоминаний о второй жене отца. Правда, в его эпистолярном наследии упоминается имя Ребекки, как это имело место в его письме к берлинскому врачу В. Флиссу, датированному 21 сентября 1897 года. Да и то в этом письме речь идет не о жене его отца, а о еврейской шутке, в которой используется имя Ребекки. Приводимая Фрейдом цитата звучит следующим образом:

«Ребекка, сними свое платье, ты больше не невеста».

Казалось бы, что особенного в том, что в контексте шуток Фрейд упоминает имя Ребекки. Известно, что он любил еврейские анекдоты, шутки, каламбуры и неоднократно использовал их в своих работах. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в письме к Флиссу фигурирует распространенное еврейское имя.

Вместе с тем обращает на себя внимание то обстоятельство, что в упомянутом выше письме к Флиссу Фрейд делится с ним своими сомнениями по поводу ранее выдвинутой им теории неврозов. Излагая свою точку зрения на сексуальные фантазии детей по отношению к родителям, уходящую своими корнями в детство этиологию неврозов и безуспешность собственных попыток в понимании подавления, он пишет о возможности восприятия ребенком отца как «совратителя». При этом Фрейд подчеркивает, что его собственный отец не составляет исключения в этом отношении.

Является ли случайным упоминание Фрейдом в одном письме отца и имени Ребекки? Почему из коллекции еврейских шуток он выбрал именно ту, в которой содержится имя второй жены его отца?

Фрейд неоднократно подчеркивал, что в психике нет ничего случайного. Конкретизируя это теоретическое положение и закладывая основы психоанализа, он исходил из того,

что случайные на первый взгляд действия могут быть сведены к активизации подавленного психического материала, который, будучи вытесненным из сознания, не лишен способности тем или иным образом проявлять себя.

В 1897 году Фрейд активно занимался самоанализом. Смерть отца, последовавшая годом раньше, явилась неким рубежом, преступив который он устремился навстречу новым представлениям о бессознательном, неврозах и сексуальных истоках их возникновения.

Вполне вероятно, что именно в то время ранее вытесненные из его сознания детские воспоминания и переживания активизировались. Во всяком случае они могли проявить себя таким образом, что вызвали ассоциативную связь между отцом и именем Ребекки, и, не осознавая того, в очередном письме Флиссе Фрейд процитировал еврейскую шутку, которая с учетом выше изложенных соображений выглядит более чем двусмысленной.

В данном случае ее двусмысленность заключается в следующем.

С одной стороны, после смерти своего отца Фрейд мог вновь, как и в детстве, ощутить проявление нежных чувств к нему и простить (оправдать) слабости (второй брак), собственные ему.

С другой стороны, он мог выразить критическое отношение к нему в связи с тем, что, уйдя из жизни, отец так и не поведал об одной из семейных тайн, унеся ее с собой в мо-

гилу.

Двойственность переживаний Фрейда, вызвавшая, видимо, воспоминания о его амбивалентном отношении к отцу в детстве, инициировала такую работу бессознательного, в результате которой в письме к Флиссу появилась соответствующая цитата. За ней могло скрываться иное содержание: «Ребекка, не обременяй память, ты больше не жена отцу, которого уже нет в живых».

К сожалению, о Ребекке известно не более, чем о первой жене Якоба Фрейда.

Нет достоверных источников ни о ее жизни, ни о ее смерти. Историки науки не располагают данными о том, умерла ли она до того, как Якоб Фрейд женился в третий раз на Амалии Натансон, переехала ли в другой город после разрыва с Якобом или продолжала жить во Фрайберге после рождения Сигизмунда.

Не исключено, что исследователи жизненного пути основателя психоанализа уже не узнают об этом, даже если будет опубликовано все его идейное наследие.

Поэтому, как мне представляется, допустимы и оправданы любые предположения о жизни Фрейда, если они, разумеется, корректны и способствуют пониманию истоков возникновения психоанализа. В этом смысле изложенное выше предположение о возможных детских переживаниях Фрейда, связанных с одной из семейных тайн, касающихся второй жены его отца, не лишено, надеюсь, эвристической ценности.

В самом деле, в ряде биографических работ год второй женитьбы Якоба Фрейда указывается условно. Согласно одним данным, после смерти Салли, вероятно около 1852 года, Якоб женился на Ребекке. По другим данным, двое сыновей Якоба от первого брака приехали во Фрайберг вместе с Ребеккой до конца 1852 года.

Не исключено, что в действительности Якоб Фрейд женился на Ребекке в 1851 году и именно эта дата нашла свое отражение в сновидении основателя психоанализа. Во всяком случае, появление этой даты в сновидении весьма симптоматично. И далеко не случайно то, что Фрейд не оставил данный вопрос без внимания, сосредоточив, правда, свои усилия не столько на самой дате, сколько на интерпретации того, что может означать промежуток времени между 1851 и 1856 годами.

Сперва Фрейд пишет о том, что четыре года или пять лет – это промежуток времени, в течение которого он пользовался поддержкой у своего учителя Мейнерта, был женихом своей невесты, заставлял одного из своих пациентов ожидать полного исцеления.

Затем, продолжая анализ сновидения, через несколько страниц он указывает на то, что для него оказалось недостаточным пять лет, предназначенных для прохождения курса обучения на медицинском факультете.

Наконец, Фрейд дает еще одно толкование, непосредственно относящееся к дате 1851 года. По его мнению, по-

следние два числа, входящие в дату 1851 года, можно рассматривать как возраст (51 год) наиболее опасный для мужчины, и именно в этом возрасте скоропостижно скончалось несколько его коллег.

Возникает вопрос, почему же Фрейд, искушенный в искусстве толкования сновидений, предложивший психоаналитический подход к исследованию бессознательного и использовавший его на практике при работе с многочисленными пациентами, не смог рассмотреть еще одну, наряду с другими, интерпретацию даты 1851 года, которая, казалось бы, могла кое-что прояснить?

Неужели он, знаток человеческой психики, поборник истины и смелый человек, не побоявшийся на страницах «Толкования сновидений» предстать перед читателями не в лучшем свете, говоря, в частности, о проявлении в своих сновидениях «неприятного хвастовства», «смешной мании величия», «эгоистических желаний», тем не менее не решился на обнародование семейной тайны?

Неужели в силу в общем-то по-человечески понятного желания не омрачать память о любящем и заботливом человеке основатель психоанализа, как беспристрастный ученый, поступил своей честностью?

Применительно к данному случаю нельзя упрекнуть Фрейда ни в недостаточной компетенции, ни в отсутствии смелости, ни в нечестности по отношению к самому себе. Речь идет скорее о бессознательной рационализации, про-

явившейся, в частности, в попытках основателя психоанализа дать не одну, а несколько интерпретаций, относящихся к увиденным им во сне датам.

Если бы Фрейд обратил внимание на свое сопротивление, связанное с интерпретацией даты 1851 года в рассмотренном выше сновидении, то, судя по его любви к истине, он докопался бы до истоков сопротивления и, возможно, вспомнил бы нечто такое, что внесло бы ясность в вопрос об одной из семейных тайн.

То, что не удалось сделать Фрейду, может служить наглядным подтверждением наличия у него в раннем детстве довольно сильных вопрошаний и переживаний. Их отражение в сновидении способствовало лишь отрывочным воспоминаниям, но не преодолению сопротивления по выявлению реального положения вещей, волновавшего ребенка в период его проживания во Фрайберге и сказавшегося на анализе взрослого человека – основателя психоанализа.

Сводные братья Фрейда не могли не знать о втором браке их отца, поскольку к моменту прибытия во Фрайберг вместе с Ребеккой были достаточно взрослыми.

Не могли ли они вести между собой разговоры, из которых маленький Фрейд случайно почерпнул информацию, заставившую напрягать его детский пытливый ум и много лет спустя всплывшую в сновидении в форме даты 1851 года?

Если о смерти Ребекки ничего не известно, то не могло ли оказаться так, что во время пребывания Фрейда в Фрай-

берге она тоже жила в этом небольшом городке и, возможно, мальчик встречался с ней, не зная того, что несколько лет тому назад она была женой его отца?

Если Ребекка действительно проживала в то время во Фрайберге, то как удалось Якобу Фрейду скрыть тайну своего второго брака от молодой жены, матери их первенца, или же она, как и его дети от первого брака, знала о существовании второй жены ее мужа, но приложила все усилия к тому, чтобы во избежание подрыва авторитета мужа ее собственные дети ничего не знали о семейной тайне?

Разумеется, сегодня эти вопросы остаются без ответа и нет никакого смысла строить различного рода домыслы на сей счет. Единственное, что может иметь смысл, так это не столь уж неправдоподобное допущение о возможных детских переживаниях Фрейда, связанных с семейными тайнами, среди которых второй брак его отца являлся лишь одной из них. Допущение тех детских переживаний основателя психоанализа, которые в процессе его последующего самоанализа и толкования данного сновидения вызвали различного рода ассоциации, скорее уведшие его от истины, нежели подтолкнувшие к ней.

В самом деле, в сновидении Фрейда его отец вспоминает, что был однажды пьян и его куда-то отвезли. Судя по реакции основателя психоанализа, это полный абсурд. Видимо, он никогда не видел отца пьяным, да и не допускал такое. Поэтому первое, что приходит в голову Фрейду, – заключе-

ние, согласно которому в этой сцене нет ничего, что в действительности относилось бы к отцу.

Но, может быть, речь идет не о пьянстве, так как трудно представить пьяным благочестивого еврея, каким был его отец. Скорее речь может идти об отце, совершившем какой-то поступок, вызвавший осуждение в глазах его старших детей, родных и близких.

Второй брак, последовавший сразу же после смерти первой жены? Женитьба на женщине, социальный статус которой вызывал сомнение? Или, быть может, брак с женщиной, не способной к деторождению?

Все это и многое другое могло вызвать неприятие и осуждение «постыдного», «недостойного» поступка Якоба Фрейда. Во всяком случае, можно предположить, что какая-то тайна, связанная с отцом Фрейда, витала в их доме и составляла семейный секрет, тщательно скрываемый от посторонних глаз.

Если речь действительно идет о совершенном Якобом Фрейдом недостойном поступке, то тогда становится понятным один из элементов сновидения, увиденный основателем психоанализа несколько десятилетий спустя и касающийся получения извещения от общинного совета родного города с требованием внести плату за содержание в госпитале в 1851 году.

Интерпретация данного элемента сновидения сводится Фрейдом к подмене его отца другим человеком, а именно

коллегой основателя психоанализа, который принял на себя обязанности своего отца, неспособного больше их исполнять (плата за содержание в госпитале).

Но можно на это посмотреть иначе. Якобу Фрейду пришлось расплачиваться за совершенный неблагоприятный поступок. Расплата в форме угрызений совести довлела над ним долгое время, если не всю жизнь.

Допустим, что это так. Тогда, не зная семейной тайны, но смутно догадываясь (не обязательно в раннем детстве, скорее в период самоанализа) о каком-то неблагоприятном поступке отца, совершенном до рождения Фрейда, основатель психоанализа принял на себя часть вины, за которую, как верный сын, он должен расплачиваться.

Во-первых, он мог испытать чувство недовольства от того, что отец ушел из жизни и переложил плату за совершенный им поступок на него.

Во-вторых, как любящий сын, он действительно мог взвалить на себя груз ответственности, считая, что необходимо оплачивать долги отца.

Как в том, так и в другом случае пробуждается непонятное для Фрейда чувство вины, поскольку все эти невидимые процессы совершаются в глубине его психики и не всплывают на поверхность сознания.

Осуществленный Фрейдом анализ сновидения свидетельствует о том, что внутренняя цензура или сопротивление помешали ему докопаться до истины. Тем не менее вызванные

данным сновидением воспоминания и переживания не исчезли бесследно. Не исключено, что через некоторое время именно они сказались на формировании его психоаналитических представлений о вине, неврозах и взаимоотношениях между ними.

Типичным примером в этом отношении может служить работа Фрейда «Некоторые типы характера из психоаналитической практики» (1916), где развиваются его идеи о силах совести и вине. Осмысление бессознательных процессов, непосредственно связанных с совестью и виной, осуществляется им не столько на историях болезни, сколько на художественных образах, созданных, как он говорил, «великими писателями-сердцедами».

В частности, он обращается к анализу некоторых сюжетов, взятых из «Леди Макбет» Шекспира и «Росмерхольд» Ибсена. Последнее художественное произведение, написанное Ибсеном в 1886 году, особенно примечательно в том отношении, что в нем главная героиня носит имя Ребекки.

Судя по всему, данное произведение Ибсена заинтересовало Фрейда потому, что оно образно иллюстрирует, как и каким образом у человека, достигшего поставленных им целей и ради этого подтолкнувшего другого человека к самоубийству, в момент триумфа пробуждается совесть, возникает чувство вины и он отказывается от того, что, казалось бы, ведет его к счастью.

Но почему именно это произведение было выбрано им в

качестве иллюстративного материала для его психоаналитических идей? Может быть, потому, что, помимо всего прочего, в нем затронуты сюжеты и действующие лица, вновь всколыхнувшие переживания Фрейда, имевшие место в первые годы жизни и в период самоанализа?

Полагаю, что это вполне допустимо, поскольку в этом художественном произведении содержатся детали, способные вызвать необходимые для анализа ассоциации. Кроме того, обсуждаемая Фрейдом проблематика весьма близка к тем переживаниям, которые могли возникнуть у него в связи с толкованием рассмотренного выше сновидения.

Так, имя героини – Ребекка. В тексте произведения Ибсена одна из интриг связана с бездетностью жены пастора, которая, не без помощи Ребекки, посеявшей в ней сомнения в оправданности ее брака, бросается с мельничной плотины. Пастор просит Ребекку быть его второй женой. Но «авантюристка», как ее называет Фрейд, безжалостно проложившая себе дорогу к осуществлению своих желаний, отказывается от предложения пастора.

Как видим, в художественном произведении Ибсена содержится много деталей, способных привлечь внимание исследователя. Имя героини, речь о втором браке, бездетность. Правда, некоторые из этих деталей имеют противоположный смысл. Отказ Ребекки от второго брака, бездетность другой героини. Но, как известно из психоаналитической теории и практики, данные расхождения не имеют никакого значе-

ния, поскольку и в сновидении, и в фантазии одно может подменять другое.

Не буду останавливаться на предложенном Фрейдом разборе произведения. Заинтересованный читатель может обратиться к первоисточнику, поскольку эта работа переведена на русский язык и опубликована.

Для обсуждаемого здесь вопроса более важно следующее. Пастор захотел узнать тайну Ребекки, она сообщила ему только часть, утаив самое главное, а Фрейд, осуществляющий анализ мотивов поведения героев, попытался до конца раскрыть (объяснить) то, что скрыла Ребекка. При этом основатель психоанализа рассмотрел чувство вины у Ребекки, сослался на клиническую практику, обнаруживающую у взрослых людей различного рода проступки, поставил вопрос о происхождении «темного ощущения вины», которое с точки зрения классического психоанализа имеет своим источником комплекс Эдипа.

Можно полагать, что по прошествии почти двух десятилетий Фрейд отреагировал соответствующим образом на свои предшествующие переживания и его бессознательное обходным путем наконец-то подвело его к раскрытию семейной тайны. То, что ему не удалось осуществить по отношению к тайне, незримо витавшей в его собственном доме, было реализовано путем психоаналитического раскрытия тайны, содержащейся в художественном произведении.

При этом Фрейд выдвинул важные и во многом еще

не оцененные должным образом психоаналитические идеи, согласно которым при раскрытии психологии преступника важно иметь в виду, что чувство вины может существовать до проступка и что проступок может обуславливаться этим чувством.

Травма

В конце первого года жизни Фрейда произошли события, вызвавшее у него значительные переживания. Родился брат Юлиус, которому к огорчению родителей, не суждено было долго жить. Он умер восьмимесячным. В момент смерти брата Фрейду было год и семь месяцев.

Трудно сказать, насколько глубокими могут быть переживания у годовалого и полуторогодовалого ребенка. Одни исследователи полагают, что в этом возрасте ребенок не может испытывать чувств зависти и агрессивности по отношению к новорожденному. Другие считают, что подобные чувства вполне возможны и в принципе даже самые первые дни жизни ребенка не следует сбрасывать со счета, если аналитик действительно стремится понять психологию человека.

В отношении Фрейда не стоит вопрос о том, могли ли у годовалого и полуторогодовалого ребенка быть какие-либо переживания, связанные с рождением и смертью брата. В письме к Флиссу, написанном 3 октября 1897 года, он делился своими воспоминаниями, связанными с «враждебными желаниями и настоящей детской ревностью» по отношению к его маленькому брату. Одновременно он писал о том, что смерть брата породила у него самоупреки, осталась «семем для угрызений совести».

Письмо Флиссу было написано Фрейдом в период его ин-

тенсивного самоанализа. Судя по всему, его ранние детские переживания действительно глубоко запали в душу будущего основателя психоанализа.

Только сорок лет спустя он сам для себя смог уяснить, насколько значимыми для человека могут быть детские восприятия и переживания, загнанные в глубины психики и остающиеся бессознательными. Понадобился плодотворный и в то же время болезненный опыт самоанализа, прежде чем детские переживания, связанные с отношением Фрейда к младшему брату, всплыли на поверхность его сознания.

Опыт самоанализа помог Фрейду выявить его детские переживания и послужил отправной точкой для формирования некоторых идей, легших в основу классического психоанализа. В частности, можно говорить о том, что вскрытие собственных враждебных желаний и детской ревности по отношению к брату сыграло не последнюю роль в психоаналитических представлениях Фрейда о детях.

Так, два года спустя после написанного им письма Флиссу, где упоминались его детские переживания, основатель психоанализа высказал ряд соображений, связанных с его пониманием детской психики. В «Толковании сновидений» он писал о том, что ребенок «абсолютно эгоистичен», стремится к удовлетворению своих потребностей, выступая против соперников, «главным образом против своих братьев и сестер».

Одновременно он утверждал, что ребенок бессознательно

носит в себе «злые желания» и «сознательно учитывает, какой ущерб могут принести ему новорожденные брат и сестра». Желание ребенка, чтобы умерли его братья и сестры, объясняется им эгоизмом, из-за которого ребенок смотрит на своих братьев и сестер как на соперников.

Благодаря самоанализу Фрейду удалось обнаружить то, на что родители, воспитатели и исследователи, как правило, закрывают глаза, считая ребенка исключительно добрым. И если ему в процессе самоанализа удалось воскресить воспоминания столь раннего детства, то это свидетельствует о той мучительной и болезненной работе, которую он проделал над собой.

Далеко не каждый аналитик достигает подобного успеха по отношению к самому себе или пациентам.

Воспоминания и переживания Фрейда, обусловленные его отношением к рождению и смерти брата, несомненно, сказались на формировании его представлений о психологии ребенка. Этим можно объяснить ту «забывчивость» основателя психоанализа, которая вызывает подчас недоумение у некоторых исследователей.

Это недоумение связано с воспоминанием Фрейда об одном весьма деликатном случае, когда он, находясь в купе поезда вместе с матерью, мог видеть ее обнаженной. Тогда-то у него, по его собственному выражению, пробудилось либидо по отношению к матери.

В данном случае недоумение возникает не в связи с вос-

поминанием сугубо личного характера, а потому, что Фрейд отнес это воспоминание к тому возрасту, когда ему было два-два с половиной года. На самом деле путешествие вместе с матерью относилось к тому периоду, когда семья переезжала из Лейпцига в Вену, то есть когда Фрейду было четыре года или, по крайней мере, около того.

Почему же в сознании Фрейда произошло подобное смещение во времени?

Легче всего объяснить это тем, что при воспоминаниях детства часто не можешь с уверенностью сказать, когда точно произошло то или иное событие. Самоанализ и работа с пациентами наглядно подтверждают этот факт. Поэтому можно было бы сказать, что в данном случае ошибка Фрейда обусловлена отдаленностью во времени самого воспоминания и трудностью воспроизведения того, когда это событие имело место в действительности.

Однако психоаналитика не удовлетворит подобное объяснение, поскольку за ошибочным действием может скрываться нечто такое, что позволит по-иному подойти к рассмотрению этого вопроса. Сам Фрейд неоднократно обращался к рассмотрению того, почему им была допущена та или иная ошибка.

Наглядным примером в этом отношении является его работа «Психопатология обыденной жизни», где основатель психоанализа давал разъяснения по поводу ошибок, допущенных им в ранее опубликованной книге «Толкование сновидений».

видений». В этой книге вместо Марбурга, родины Шиллера, он написал Марбах, вместо имени отца Ганнибала Гамилькара – имя брата Гасдрубала, вместо Кроноса, в греческой мифологии оскотившего своего отца Урана, – Зевса, оскотившего и свергнувшего с престола Крона, тем самым передви- нув злодеяние из мира греческих богов на целое столетие.

По поводу истории с пробудившимся либидо, отнесенной к двум-двум с половиной, а не четырем годам, Фрейд не оставил разъяснений. Это понятно, поскольку данное воспо- минание приводится им в письме Флиссу и было само собой разумеющимся, что их частная переписка не станет достоя- нием огласки.

Примечательным является время написания данного письма. Оно датировано 3 октябрем 1897 года. То есть это то же самое письмо, в котором Фрейд поведал о своих пережи- ваниях, связанных с рождением и смертью маленького брата. Причем информация о том и другом содержится в одном месте. Их разделяет между собой лишь синтаксический знак – точка с запятой.

С учетом этого обстоятельства становится более понят- ной ошибка Фрейда. Она могла быть обусловлена обострен- ным переживанием, вызванным самоанализом, навеванным воспоминанием о своих отношениях с братом и вызвавшим осуждение за аморальные желания смерти Юлиуса.

Это в свою очередь свидетельствует о том, что в раннем детстве Фрейд действительно имел такие переживания, по

поводу которых он мог не отдавать себе отчет, но которые не оставляли его в покое.

Самоанализ обнажил «детскую рану», а повторное переживание отголоском сказалось на допущенной Фрейдом ошибке. Более того, как показала дальнейшая жизнь основателя психоанализа, «детская рана» имела для него роковые последствия.

Известно, что несколько месяцев спустя после трагического события, связанного со смертью Юлиуса, с маленьким Фрейдом произошел несчастный случай. Упоминание об этом случае без каких-либо комментариев приводится Э. Джонсом в его биографической работе об основателе психоанализа.

Речь идет о том, что в возрасте двух лет Фрейд упал с табуретки. При падении он ударился нижней челюстью о край стола. Причем удар был настолько сильным, что у мальчика образовалась кровоточащая рана, на которую пришлось накладывать швы. Рана зажила, но у Фрейда остался шрам на всю жизнь.

Во время самоанализа Фрейду удалось вспомнить некоторые события, относящиеся к раннему периоду детства. Но этот эпизод не всплыл на поверхность его сознания, что само по себе весьма примечательно.

Можно, по-видимому, говорить о том, что физические болевые ощущения того детского периода в какой-то степени компенсировали душевные переживания, связанные со

смертью брата, но не устранили их.

Сознательная репродукция душевных переживаний в процессе самоанализа натолкнулась на такое сопротивление, которое допустило лишь частичное воспоминание о событиях ранних лет жизни. Основатель психоанализа вспомнил о переживаниях, связанных со смертью брата, но не соотнес их с несчастным случаем, который стерся из его памяти.

Между тем сам Фрейд обратил внимание на то, что многие на первый взгляд случайные повреждения оказываются в сущности ни чем иным, как самоповреждениями. При рассмотрении подобных случаев он исходил из того, что в силу тех или иных причин человек становится подверженным самобичеванию. Упреки по отношению к самому себе пользуются любой возможностью, чтобы организовать повреждение. Они могут использовать случайно создавшуюся внешнюю ситуацию или помогают ей создаться. Бессознательное намерение ловко и искусно подводит человека к несчастному случаю.

В работе «Психопатология обыденной жизни» Фрейд привел пример, взятый им из медицинской практики. Одна молодая женщина выпала из экипажа и сломала себе ногу. Несчастный случай привел к нервному заболеванию, от которого она излечилась благодаря психотерапии. В процессе лечения Фрейд выяснил обстоятельства, предшествующие несчастному случаю.

Накануне этого случая молодая женщина, гостившая вме-

сте с мужем в имении своей замужней сестры, продемонстрировала в кругу родственников искусство канкана, вызвав с их стороны одобрение и восхищение. Недовольным оказался лишь муж, который, будучи ревнивым, обвинил свою жену в том, что она вела себя как девка. Проведя беспокойную ночь, молодая женщина захотела покататься в экипаже. Она сама отбирала лошадей, поменяла одну пару на другую, отговорила младшую сестру взять с собой на прогулку ее грудного ребенка с кормилицей.

Во время поездки женщина испытывала беспокойство и высказывала кучеру опасение по поводу того, что лошади могут чего-нибудь испугаться и понести. Как только ее опасение оправдалось, она выскочила в испуге из коляски и сломала себе ногу. Никто из находящихся в экипаже больше не пострадал.

Приводя этот пример, Фрейд высказал убеждение, согласно которому данный несчастный случай с молодой женщиной был подстроен ею самой. Она испытывала чувство вины перед мужем, соответствующие переживания привели к необходимости наказания, которое не замедлило себя ждать в виде несчастного случая. Приходится удивляться лишь той ловкости, которую проявила молодая женщина, сломав себе ногу, но не повредив другие части тела. Теперь она не могла танцевать канкан, вызвавший у мужа неодобрение.

Фактически Фрейд дал наглядную иллюстрацию психоаналитического понимания того, как, почему и в силу каких

причин могут происходить несчастные случаи или реализуется возможность, по его собственному выражению, «полупонамеренного самоповреждения».

Не вижу оснований, чтобы не рассматривать именно с этих позиций тот несчастный случай, который произошел с Фрейдом в раннем детстве. Ведь некто иной, как он сам, вместо проявления ожидаемого участия по отношению к своим домашним, включая детей, прищемившим палец или набившим себе шишку, неизменно спрашивал: зачем они сделали это?

В «Психопатологии обыденной жизни» за примером из медицинской практики и психоаналитической интерпретацией несчастного случая с молодой женщиной сразу же следует признание Фрейда в том, что и с ним случались приключения подобного рода. Дословно это признание звучит так:

«У меня самого я вряд ли мог бы отметить случаи самоповреждения в нормальном состоянии, но при исключительных обстоятельствах они бывают и у меня».

Подобным исключительным обстоятельством, предшествующим несчастному случаю с двухлетним Фрейдом, была смерть его брата. Испытывая враждебные чувства по отношению к родившемуся брату, частично отнявшему любовь матери, он желал устранения его из семьи. Но как только

Юлиуса не стало, маленький мальчик соотнес исчезновение (смерть) брата со своими эгоистическими желаниями. Появившееся у него чувство вины вызвало упреки в свой собственный адрес, которые в свою очередь породили потребность в наказании или, точнее, в самонаказании.

Падение с табуретки, сильный удар о край стола и кровоточащая рана – это такой несчастный случай, за которым скрывалась тенденция к самоповреждению, как искуплению вины ребенка, испытывавшего враждебные чувства по отношению к брату и тем самым как бы навлекшего на него реальную смерть.

Самонаказание помогло маленькому Фрейду справиться со страданиями, вызванными чувством вины. Физическая боль притупила боль душевную. Физическая рана способствовала проявлению повышенного внимания со стороны матери, скорбевшей по умершему восьмимесячному сыну.

Фрейд как бы искупил свою вину перед братом и вновь обрел любовь матери. Последнее было, видимо, не менее важным для него, чем первое, поскольку в душе поселился страх, а вдруг родители узнают о его «дурных намерениях» по отношению к новорожденному, обвинят в смерти брата и накажут, отвернутся от него.

Во избежание наказания со стороны родителей Фрейд прибегнул к самонаказанию, не понимая и не осознавая того. Несчастный случай стал своего рода реабилитацией и перед умершим братом, и перед родителями.

Физическая рана и причиненная ею боль затмили душевные переживания маленького Фрейда. Затмили, но не устранили их до конца. В глубине души, во мраке бессознательного остался неизгладимый след, контуры которого неясными очертаниями давали о себе знать.

Кровоточащая от удара о край стола рана зарубцевалась, но на всю жизнь остался не только физический (телесный), но и психический шрам. Тот шрам, который, возможно, стал роковым для основателя психоанализа. Тот шрам, за который ему пришлось уплатить дорогую цену в форме многолетних физических страданий.

В свете выше сказанного можно иначе, чем это сделал Фрейд, взглянуть на некоторые детали его абсурдного сновидения, приведенного в «Толковании сновидений» и отчасти уже рассмотренного под углом зрения семейной тайны, связанной со второй женой его отца.

Становится более понятным начало сновидения, в котором Фрейд получает извещение с требованием внести плату за содержание в госпитале в 1851 году. В контексте затронутого вопроса важным становится не то, за что необходимо оплатить, а то, что извещение с требованием платы адресовано именно Фрейду.

В процессе самоанализа на поверхность сознания Фрейда всплыли ранние детские воспоминания об умершем брате, вновь породившие переживания, связанные с чувством вины. Судя по письмам к Флиссу того периода, создается впечатление,

чатление, что предшествующее искупление вины оказалось для него недостаточным. Фрейд впадает, по его собственным словам, в «маленькую истерию». Он не может понять состояние своего разума и сетует на различного рода недомогания. Ему приходится расплачиваться за что-то такое, чего он не осознает.

В состоянии сна, когда цензура ослаблена, он получает извещение о необходимости оплатить по счету. В процессе интерпретации своего сновидения он пытается добраться до глубинных источников, скрывающихся за явным содержанием сна. Но ему не удается преодолеть внутреннее сопротивление, в результате чего он, видимо, так и не понял, что его собственное бессознательное предъявляет счет к нему, как совестливому человеку, не до конца освободившемуся от чувства вины.

По счету надо платить. И Фрейд платит головными болями, расстройствами желудка, обмороками и, наконец, раковым заболеванием, которое принесло ему многолетние страдания и оказалось роковым для его жизни.

Рак

Роковое стечение обстоятельств в первые годы жизни Фрейда впоследствии удивительным образом отразилось на его профессиональных интересах и здоровье.

В 1874 году в письме (от 6 марта) другу детства Эмилю Флусу он жалуется в иронической форме на свою челюсть и зубную боль. В 1882 году он публикует исследование «О структуре нервных волокон и клеток у рака». Вторая часть (krebs) написанного на немецком языке (flussskrebs) слова «рак» одновременно обозначает и животное, и болезнь.

В 1895 году Фрейда посетило ставшее психоаналитической классикой сновидение об инъекции Ирме, в котором он увидел в горле своей пациентки «справа большое белое пятно». При анализе этого сновидения фигурируют фразы «тяжелое органическое заболевание», «наличие метастаза».

В 1899 году в одном из писем Флиссу Фрейд писал о своем чрезмерном увлечении работой, поглощающей все его другие способности и превращающей его в какое-то «раковое новообразование». По его собственному признанию, его существование стало походить на «жизнь такой опухоли».

В работе «Толкование сновидений» (1900) Фрейд сообщает об одной своей пациентке, подвергшейся «довольно неудачной операции челюсти».

В феврале 1923 года он обнаружил у себя «налет на челю-

сти и правой стороне неба», который ему удалили 20 апреля того же года. Удаленная опухоль оказалась раковой.

Поразительна история обнаружения у Фрейда ракового заболевания и его последующая шестнадцатилетняя жизнь, на протяжении которой он продолжал свою профессиональную деятельность, несмотря на те страдания, которые выпали на его долю.

Обнаружив у себя во рту небольшую язву, Фрейд поговорил с врачами, которые посоветовали ему ее удалить. Не говоря родным о своем решении, он договорился со знакомым профессором Маркусом Гаеком, имевшим репутацию отнюдь не лучшего хирурга, и пришел к нему на операцию в государственную больницу.

Фрейд рассчитывал сразу же после операции вернуться домой. Но операция сопровождалась сильным кровотечением, в результате чего ему было рекомендовано остаться в больнице до следующего дня.

Его жена Марта узнала о том, что Фрейд в больнице, когда один из врачей позвонил ей домой и попросил принести ночное белье. Марта вместе с дочерью Анной приехали в больницу, но в обеденный перерыв им пришлось покинуть Фрейда, поскольку в больнице были установлены такие правила.

В больнице, являвшейся частью учебного заведения, не было отдельных палат. Фрейду предложили кровать в маленькой комнате, которую занимал карлик.

Через некоторое время у Фрейда вновь началось крово-

течение. Экстренный вызов медицинской сестры оказался невозможным, так как электрический звонок был сломан. Только благодаря карлику, побежавшему за помощью, врачам с большим трудом удалось остановить кровотечение.

Фрейду пришлось остаться в больнице еще на одну ночь. А утром Гаек решил показать постоперационный случай студентам. Можно было избежать подобного испытания, если бы Фрейд решительно возразил против подобной демонстрации. Но он с пониманием отнесся к «учебному процессу» и оказался в роли того пациента, на примере которого студенты постигали азы медицины.

Врачи не решились сказать Фрейду, что у него рак. Лишь через некоторое время ему сообщили правду. Обследование профессора Ганса Пихлера, хирурга, специализировавшегося на ротовой полости, подтвердило соответствующий диагноз. 4 октября 1923 года Пихлер сделал сперва одну операцию, а семь дней спустя другую операцию, удалив у Фрейда верхнюю челюсть и правую сторону нёба.

За первой операцией последовало множество других, принесших Фрейду непомерные муки и страдания. Так, в период с 1923 по 1927 год ему пришлось нанести 278 визитов врачу. Всего ему было сделано тридцать три операции. Лишь смерть, наступившая шестнадцать лет спустя после обнаружения у него рака, избавила его от непереносимых страданий.

Как можно расценить тот факт, что задолго до возникно-

вения ракового заболевания Фрейд неоднократно говорил о раке? Почему, наконец, однажды, как утверждают некоторые исследователи, он сказал, что у него непременно будет рак, который будет властвовать над его телом и духом?

Вполне допустимо, что возникшее у Фрейда в раннем детстве бессознательное чувство вины, частично искупленное несчастным случаем (самоповреждением), сохранилось у него на всю жизнь. В исследовательском плане это подвигло его к самоанализу, изучению влияния бессознательного чувства вины на возникновение психических заболеваний, рассмотрению роли этого чувства в истории развития культуры и человечества. В личной жизни это приводило подчас к такому поведению, которое не поддавалось разумному объяснению с точки зрения тех, кто его окружал.

В частности, несмотря на настойчивые рекомендации врачей и просьбы близких бросить курить или хотя бы ограничиться одной сигарой в день (особенно после того, как у него был обнаружен рак), Фрейд не мог лишить себя удовольствия от установленного им образа жизни.

Не странно ли это для человека, выдвинувшего идеи о «принципе удовольствия», которым изначально в своей жизни руководствуются люди, и «принципе реальности», с которым им приходится считаться в семье, обществе?

Или как можно объяснить ту слепоту Фрейда по отношению к нацизму, когда он никак не хотел видеть реальную угрозу собственной жизни?

С приходом Гитлера к власти в Германии были подвергнуты сожжению книги Фрейда, конфискована психоаналитическая литература, закрыты психоаналитические журналы. Почти все известные психоаналитики эмигрировали в другие страны, главным образом в США. Многие друзья и знакомые предупреждали Фрейда о необходимости как можно быстрее покинуть Вену. И тем не менее основатель психоанализа оставался в Вене до тех пор, пока его собственные дети не оказались в руках гестапо.

Создается впечатление, что как в том, так и в другом случае Фрейд действовал вопреки своему рассудку. Наделенный острым умом, он не мог не понимать, что интенсивное курение не способствует сохранению здоровья. Привыкший смотреть правде в глаза, он не мог не видеть тех губительных для него и его дела последствий, которые нес с собой нацизм, объявивший психоанализ «еврейской наукой».

Что-то, задевшее внутри его самого, мешало прислушаться к голосу разума и руководствоваться в своих действиях принципом реальности. Фрейд стойко переносил череду болезненных операций, связанных с раком, но отравлял себя никотином. Он одобрял решение своих коллег, эмигрирующих из Германии и Австрии во имя сохранения собственной жизни и развития психоанализа, но подвергал себя смертельной опасности, оставаясь в Вене даже после ее оккупации нацистами.

Не бессознательное ли чувство вины, возникшее у Фрейда

в раннем детстве и усилившееся впоследствии под воздействием различных обстоятельств, оказалось тем пусковым механизмом, который предопределил двойственное отношение основателя психоанализа к своей собственной жизни?

Не порождало ли оно у основателя психоанализа бессознательное стремление к искуплению «тяжких грехов», некогда им совершенных?

В раннем детстве Фрейда искупление «тяжких грехов» (враждебное отношение к брату и желание его смерти) привело к несчастному случаю. В зрелом и преклонном возрасте самоповреждение в виде несчастного случая выглядело бы не лучшим образом прежде всего в глазах самого основателя психоанализа, искусно раскрывающего подобного рода происшествия у своих пациентов. Поэтому, не осознавая глубинных мотивов своего поведения, Фрейд прибегает к таким формам искупления своих «тяжких грехов», которые характеризуются одновременно отчаянной борьбой за жизнь и ее саморазрушением.

В личной жизни бессознательное стремление Фрейда к искуплению «тяжких грехов» возвело его на плаху шестнадцатилетних мучений и страданий от различного рода болезненных операций, необходимости пользоваться сперва «монстром» (огромным протезом, отделяющим рот от носовой полости), а затем более совершенным, но тем не менее доставляющим массу неудобств протезом.

В исследовательском плане оно привело к развитию пси-

хоаналитических теорий об «инстинкте жизни» и «инстинкте смерти», вызвавших неоднозначное к ним отношение со стороны не только противников, но и приверженцев психоанализа.

Игры на лужайке

Семейная тайна, связанная со вторым браком отца, рождение и смерть младшего брата – не единственные отправные точки раннего детства Фрейда, от которых началось формирование личности и развитие исследовательских интересов, приведших к возникновению психоанализа.

Одной из таких «точек роста» является также необычное положение Фрейда в семейном окружении, о котором уже упоминалось.

Родиться дядей и иметь племянника-ровесника, лишь на год старше себя, – не столь распространенное явление в семьях. Так что вряд ли подобное стечение обстоятельств могло не отразиться на формировании внутреннего мира Фрейда.

Известно, что во время фрайбергского периода жизни семьи Фрейда между будущим основателем психоанализа и его племянником Джоном установились самые тесные отношения. Как и большинство детей их возраста, они быстро нашли общий язык, вместе играли, участвовали в различного рода семейных мероприятиях, дружили. Правда, Джон был сильнее, слыл драчуном и нередко маленькому Фрейду приходилось отстаивать свое Я таким образом, что это превращалось в потасовку.

Вспоминая о том периоде детства, Фрейд отмечал, что в

их семье часто рассказывалась одна история. На вопрос о том, почему он поколотил Джона, Фрейд отвечал:

«Я поколотил его потому, что он поколотил меня».

Так будущий основатель психоанализа отваживался, по его выражению, «восставать против своего тирана». Тем не менее мальчики до трех лет были неразлучны и, несмотря на потасовки, относились друг к другу по-дружески. Маленький Фрейд любил своего племянника и впоследствии считал, что дружба между ними оказала несомненное влияние на позднейшие отношения со сверстниками.

Вместе с тем отношения между дядей и племянником не были простыми. Судя по отрывочным воспоминаниям самого Фрейда, он испытывал двойственные чувства к Джону.

С одной стороны, он любил его, а дружба и игры с ним доставляли ему удовольствие.

С другой стороны, восстание против «тирана», который, как впоследствии подозревал Фрейд, «злоупотреблял дружбой», сопровождалось проявлением у него чувства враждебности и агрессивности.

Двойственные чувства Фрейда к его племяннику усугублялись тем обстоятельством, что в их детских играх и семейном общении образовался как бы «любовный треугольник».

У Джона была младшая сестра Полина. Она была немного старше Фрейда и доводилась ему племянницей. Надо пола-

гать, что их игры втроем могли породить у любознательного мальчика исследовательский интерес к «женскому полу».

Имеется смутное воспоминание Фрейда о том, как трое детей, два мальчика и одна девочка, играют на лужайке недалеко от дома. Дети бегают по траве, собирают желтые одуванчики. Потом оба мальчика набрасываются на ничего не подозревающую девочку, валят ее на траву, вырывают из ее рук цветы. Девочка плачет и убегает от них.

Данное воспоминание Фрейда подчас воспринимается, как это имеет место в соответствующей биографической работе Э. Джонса, в качестве вытесненной в бессознательное фантазии об изнасиловании (вместе с Джоном) своей племянницы. По его мнению, «охота вдвоем» служит первым признаком того, что «сексуальная конституция Фрейда была, в конце концов, не исключительно мужской».

Нет необходимости столь далеко заходить в интерпретации эпизода, воспроизведенного Фрейдом в своем воспоминании. Но этот эпизод безусловно свидетельствует о наличии у Фрейда в раннем детстве сложных чувств и переживаний, связанных с его отношением к племяннику и племяннице.

За безвинными детскими играми среди маленьких мальчиков и девочек нередко просматриваются скрытое или явное соперничество, агрессивность, эмоциональная привязанность, включающие в себя эротический компонент.

Более существенным является то, что племянница Фрейда несомненно внесла свою лепту в развитие его двойствен-

ного отношения к Джону. Скорее всего, «любовный треугольник» способствовал установлению таких отношений между ними, когда Фрейд воспринимал своего племянника одновременно как друга и врага.

Модель «друг – враг»

Двойственное отношение Фрейда к племяннику Джону стало своего рода моделью, бессознательно используемой впоследствии основателем психоанализа при установлении отношений с другими людьми.

Имеются в виду, прежде всего, его отношения со старшим по возрасту коллегой Йозефом Брейером, берлинским врачом Вильгельмом Флиссом, швейцарским психиатром Карлом Густавом Юнгом и многими учениками, сподвижниками по психоаналитическому движению, включая Отто Ранка, Вильгельма Штекеля и других. Со всеми ними Фрейд устанавливал дружеские отношения, переходившие в открытую привязанность и любовь, но завершавшиеся различного рода недоразумениями и разрывом, за которыми скрывались чувства враждебности и неприязни.

Подобное непонятное отношение Фрейда к друзьям и коллегам, деловые и личные связи с которыми длились по несколько лет, но неизменно завершались крахом, вызывает у многих исследователей его жизненного пути недоумение. Но оно имеет свое объяснение и сводится к тому, что глубинные источники странного отношения Фрейда ко многим людям уходят своими корнями в его детство. Один из таких глубинных источников – его двойственное отношение к племяннику Джону.

В процессе самоанализа Фрейд смог обнаружить у себя личные качества, характеризующие его отнюдь не с лучшей стороны. В частности, он подметил, что подчас у него возникает целый поток враждебных чувств к людям, которых он любит и ценит. Это заставило его углубиться в дебри собственного бессознательного, чтобы отыскать источники и причины подобной амбивалентности (двойственности). И он нашел их в раннем детстве, в дружеском и враждебном отношении к племяннику Джону. По собственному признанию Фрейда, все позднейшие друзья воплощали для него этого первого «друга – врага».

Именно по этому типу основатель психоанализа выстраивал свои отношения с друзьями.

Имелось, правда, одно отличие. В раннем детстве у Фрейда происходило совмещение друга и врага не только в одном лице, но и во временном отношении. В зрелом возрасте он мог долгое время выражать свое дружеское расположение к какому-то лицу, но по мере того, как укреплялась дружба между ними, у него возникали враждебные чувства к данному другу.

Вот что пишет сам Фрейд по этому поводу:

«Близкий друг и ненавистный враг были всегда необходимыми объектами моего чувства; я бессознательно старался постоянно вновь находить себе их, и детский идеал нередко осуществлялся в такой же мере, что друг и враг сливались

в одном лице – понятно, не одновременно, как это было в период моего раннего детства».

К моменту данного признания Фрейда, которое им было сделано в «Толковании сновидений», отношения между ним и его лучшим другом берлинским отоларингологом Вильгельмом Флиссом оказались натянутыми. До этого времени на протяжении примерно восемнадцати лет с момента их первого знакомства, состоявшегося в 1887 году, они неоднократно встречались и вели интенсивную переписку между собой.

Достаточно сказать, что в общей сложности к моменту их окончательного разрыва Фрейд послал Флиссу около 300 писем. Причем Флисс был столь близким другом для Фрейда, что последний в своих письмах делился с ним как научными идеями, связанными с возникновением психоанализа, так и информацией интимного характера.

Признание Фрейда в том, что в основе его отношений с друзьями лежит детская модель «друг – враг», было сделано как раз накануне разрыва с Флиссом, произошедшего в 1904 году. Оставалось четыре года до окончательного разрыва. Но уже к моменту публикации «Толкования сновидений» Фрейд был внутренне готов к разрыву. Он был готов к тому, что его враждебные чувства одержат верх над дружескими чувствами, как это имело место раньше в случае его дружбы с Йозефом Брейером, с которым Фрейд познакомился в

конце 1870-х годов.

Повторилась та же самая история. Дружба будущего основателя психоанализа с Брейером длилась 20 лет, с Флисом – немного меньше. Как в том, так и в другом случае первоначальные дружеские отношения сменились проявлением враждебных чувств, приведшим к полному разрыву.

Эта история не только примечательна с точки зрения понимания того, как и в какой степени события раннего детства Фрейда оказали воздействие на его личную жизнь и возникновение ряда психоаналитических идей. Она весьма поучительна также в плане выяснения возможностей практики психоанализа.

По крайней мере, данная история наводит на размышления о том, насколько эффективным может быть осознание пациентом своих бессознательных желаний и является ли само их осознание необходимым и достаточным средством к исцелению от психических заболеваний.

Пример Фрейда действительно поучителен в этом отношении. Так, в процессе самоанализа он выявил, что его дружба с людьми протекает по типу «друг – враг», совмещающихся в одном и том же лице. Реализация данного типа отношений происходит на бессознательном уровне. Для того чтобы понять, как и почему это случается, необходимо найти истоки возникновения бессознательных желаний или переживаний. Собственные сновидения предоставляют исследователю материал, способствующий осмыслению того, о чем

говорит бессознательное.

Фрейд осуществляет анализ сновидений. Разбуженные им воспоминания детства всплывают на поверхность сознания. Воспоминания воскрешают детские переживания, которые дают ключ к пониманию того, что первый друг Фрейда одновременно был и его врагом. Теперь становится ясным, что все последующие его отношения с людьми строятся по типу первых детских взаимоотношений, окрашенных чувствами любви и враждебности.

Итак, Фрейд осознал то, что лежало в основе его дружбы с людьми. Не только осознал, но, судя по всему, даже нашел оправдание предстоящему разрыву с Флиссом.

Казалось бы, осознание бессознательного должно привести к тому, что теперь Фрейд сможет строить свои отношения с людьми, исходя не из модели «друг – враг», а из других, более конструктивных представлений о дружбе. Тем более, что его предшествующий опыт явился наглядной демонстрацией порочности предшествующей модели, приведшей к разрыву с людьми, общение с которыми способствовало становлению Фрейда как основателя психоанализа.

Тем не менее, как свидетельствует история развития психоаналитического движения, последующие отношения Фрейда с коллегами часто строились именно по типу модели «друг – враг». Альфред Адлер, Вильгельм Райх, Отто Ранк, Вильгельм Штекель, Карл Густав Юнг – вот не полный перечень тех людей, с кем первоначально Фрейд устанавливал

дружеские отношения, но через какое-то время он или окончательно и бесповоротно порывал с ними, или испытывал разочарование, враждебность.

Разумеется, далеко не каждый психоаналитик, плодотворно работающий с пациентами и добивающийся успехов в их лечении, способен разрешать теми же самыми методами свои собственные проблемы. Это как раз тот случай, когда, что называется, «сапожник без сапог».

Но Фрейд не может быть отнесен к разряду рядовых психоаналитиков своего времени. Он – основатель психоанализа и величина мирового масштаба. И хотя, по его собственным словам, ничто человеческое ему не было чуждо, тем не менее, будучи специалистом в сфере изучения бессознательного и многолетнего использования этого знания на практике, применительно к самому себе он столкнулся с такими трудностями, которые ставят под сомнение идею о достаточности осознания бессознательного при решении внутриличностных конфликтов.

Следует иметь в виду, что племянник Фрейда не был единственным человеком, к которому он испытывал двойственное отношение в детстве. В более позднем возрасте, когда семья Фрейда переехала в Вену, аналогичное отношение он испытывал к еще одному лицу – к своему дяде Иосифу, младшему брату отца.

О том, какое влияние в плане детских переживаний Фрейда имел на него этот дядя, можно судить хотя бы по тому, что

он неоднократно упоминается в «Толковании сновидений». Фактически Фрейд знал пятерых своих дядей, но не упоминает ни о ком из них, хотя, по его собственным словам, одного из них он «любил и уважал». Исключение составляет дядя Иосиф, который фигурирует в его сновидении.

Тот, кто, читая «Толкование сновидений», обратит внимание на одно из приведенных основателем психоанализа коротких сновидений, почерпнет незначительную информацию о его дяде Иосифе. Фрейд сообщает о «чрезвычайно печальной истории», происшедшей с его дядей. Читатель узнает о том, что более тридцати лет тому назад (с момента написания «Толкования сновидений») дядя поддался искушению нажать крупную сумму денег и совершил поступок, тяжело караемый законом.

И все. Больше нет никаких подробностей по этому делу. Создается впечатление, что если бы не последующая интерпретация сновидения, в которой Фрейду надо было отнести такие характеристики человека, как «дурак» и «преступник», к двум лицам, то никто из современников вообще бы ничего не узнал о приключившейся с его дядей печальной истории.

Сновидение Фрейда о дяде Иосифе заслуживает внимания прежде всего потому, что при его толковании основателю психоанализа пришлось обсуждать вопрос о нежных и враждебных чувствах, об аффектах и контр-аффектах, когда в сновидении видится одно, а в реальной жизни имеет место

другое.

При рассмотрении этого вопроса Фрейд отметил, что соответствующие аффекты проистекают из источника детства. При этом он подчеркнул:

«...отношения дяди и племянника благодаря своеобразному характеру переживаний моего раннего детства стали для меня источником всех дружеских и враждебных чувств».

Стало быть, проявление двойственных чувств к людям было обусловлено в зрелом возрасте Фрейда его амбивалентным отношением как к племяннику Джону, так и к дяде Иосифу в детстве. Именно последнее обстоятельство настолько усилило двойственное отношение Фрейда к людям, что избавиться от положенной им в основу дружбы модели «друг – враг» оказалось ему не под силу.

Эта модель сохраняла свою действенность на протяжении многих десятилетий его жизни потому, что дядя Иосиф был еще одной, наряду со второй женой отца Фрейда, тайной. Той тайной, которая тщательно скрывалась от посторонних и не выходила за пределы семьи. Впрочем, не исключено, что в семье самого Фрейда даже близкие ему люди, включая жену, не знали об этой тайне.

Первая тайна (брак отца с Ребеккой) оставалась до конца неразгаданной для Фрейда. Вторая (печальная история с

дядей Иосифом) была ему известна. Однако обе семейные тайны вызвали у него глубокие переживания.

Не исключено, что связанные со второй тайной детские переживания Фрейда явились камнем преткновения на его пути от осознания им собственных бессознательных дружеских и враждебных чувств до изменения модели дружбы по типу «друг – враг». В противном случае действительно трудно объяснить тот факт, что искушенному в теории и практике психоанализа Фрейду далеко не всегда удавалось по-дружески разрешать непростые отношения со своими коллегами.

Изложенная Фрейдом в «Толковании сновидений» краткая информация о печальной истории с дядей пробудила у некоторых исследователей интерес к данной теме. В результате исследований стало известно, что дядя Фрейда занялся распространением фальшивых денег, за что был арестован и в 1866 году осужден на десять лет каторги. Все родственники были в шоке. По словам самого Фрейда, его отец буквально поседел за несколько дней от горя.

Надо полагать, печальная история с дядей неоднократно обсуждалась в семье Фрейда и он слышал если не все, то по крайней мере многое из того, что говорили взрослые об этом. Не случайно Фрейд вспоминает, как отец очень часто говорил, что «дядя Иосиф не дурной человек, а просто дурак».

Печальная история с дядей Иосифом не могла не вызвать

глубоких потрясений и переживаний в семье Фрейда. Сиди-на Якоба могла быть вызвана как тем, что его потрясло наказание младшего брата (десять лет каторги), так и упреками в свой адрес, основанными на ощущении собственной вины. Он не только не остановил брата от преступной деятельности, но и, возможно, пользовался его щедростью, когда у того были деньги. Отец Фрейда мог не знать о преступных деяниях своего младшего брата, но вряд ли у него не возникало сомнений по поводу проявляемой им щедрости в то время, как он был не менее беден, чем Якоб.

По-своему переживал эту историю и будущий основатель психоанализа. К тому времени он был учеником гимназии, куда поступил в возрасте девяти лет. Можно понять, какие переживания выпали на долю блестящего ученика, зарекомендовавшего себя в гимназии с лучшей стороны, но опасавшегося, что история с дядей Иосифом станет известной его товарищам и учителям.

Находиться в родственных связях с преступником, осужденным на десять лет за мошенничество, – не то положение, которым может гордиться ученик гимназии. Скорее напротив, он может испытывать чувства стыда от родства с мошенником, страха за свое будущее, если откроется семейная тайна, и враждебности по отношению к «дураку», который своими преступными действиями поставил под сомнение репутацию честной семьи Фрейда.

По всей видимости, эти переживания сохранились в ду-

ше Фрейда на долгие годы. Во всяком случае, его воспоминания о печальной истории с дядей свидетельствуют о том, что спустя три десятилетия он все еще испытывал досаду и обиду на «дурака».

Так, рассматривая вслед за Фрейдом приведенное им сновидение о своем дяде, трудно отделаться от впечатления, что в интерпретации этого сновидения не все до конца прояснено.

У основателя психоанализа не было желания истолковывать это сновидение. Внутреннее сопротивление мешало осуществлению анализа. Ему удалось преодолеть нежелание истолковывать сновидение. Но сопротивление все же не исчезло бесследно. Оно дало знать о себе в форме проявления «искаженной памяти», что вызвало у Фрейда необходимость в использовании подстрочника к основному тексту.

В подстрочнике он проясняет вопрос о том, что у него был не один дядя, хотя ему хотелось сказать самому себе, что имелся всего лишь один, фигурировавший в сновидении дядя Иосиф. Здесь же содержится высказывание о дяде, которого он любил и уважал. Но это высказывание имеет налет двусмысленности, так как при первом прочтении трудно понять, о каком дяде идет речь.

Если любовь и уважение относятся к дяде Иосифу, то это вступает в противоречие с содержащимся в основном тексте последующим высказыванием Фрейда:

«К своему дяде Иосифу я, конечно, нежных чувств никогда не питал».

Если любовь и уважение относятся к другому дяде, то тем самым подтверждается мысль, высказанная в основном тексте (никогда не питал нежных чувств к дяде Иосифу), но это плохо согласуется с рассуждениями о «нежном контраффе́кте», имеющем свой исток в детстве и свидетельствующем, по аналогии с племянником Джоном, о наличии у маленького Фрейда чувства любви к дяде Иосифу.

Вряд ли Фрейд никогда не питал нежных чувств к дяде Иосифу. Скорее всего, в детстве у него были такие чувства. Но они изменились после совершенного дядей преступления, которое осуждалось всей семьей.

Если к племяннику Джону Фрейд испытывал одновременно двойственные чувства (дружеские и враждебные), то первоначальное чувство нежности к дяде Иосифу сменилось окончательной враждебностью к «дураку» и преступнику, который мог своей репутацией каторжника испортить карьеру блестящего ученика, подающего надежды студента, имеющего частную практику врача и основателя психоанализа.

Отсюда нежелание Фрейда анализировать приснившееся ему сновидение о дяде. Отсюда его стремление при анализе сновидения как бы убедить себя в том, что он никогда не испытывал к нему нежных чувств.

Отсюда и усиление действенности модели «друг – враг»,

когда последующие установления дружеских отношений с мужчинами (особенно с коллегами по работе) завершались чаще всего преобладанием враждебных чувств к ним.

Сципион и Берганза

Чтение художественной литературы было одним из любимых занятий Фрейда. Начиная с отрочества подобное занятие стало неотъемлемой частью его жизни.

Он любил дарить книги своим близким, друзьям и сам с удовольствием получал подобные подарки.

Как старший брат, Фрейд давал своим сестрам советы относительно того, что следует им читать в соответствующем возрасте, а от знакомства с какими романами, например Бальзака и Дюма, следует пока воздержаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.